

Не думай о секундах свысока.

Роберт Рождественский

*Каждый выбирает для себя
Женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку —
Каждый выбирает для себя.*

*Каждый выбирает по себе
Слово для любви и для молитвы.
Шпагу для дуэли, меч для битвы
Каждый выбирает по себе.*

Юрий Левитанский

ВВЕДЕНИЕ

Вряд ли в современной России, да и во всем мире, найдется хотя бы один человек, говорящий на русском языке, который бы никогда не смотрел легендарный советский сериал «Семнадцать мгновений весны». Большинство же российских телезрителей посмотрели этот фильм по несколько раз — как в оригинальном черно-белом, так и специально «раскрашенном» варианте. И каждый раз зрители замирая вместе с главным героем советским разведчиком Исаевым, он же штандартенфюрер СС Отто фон Штирлиц, еще и еще раз обходили все ловушки нацистских спецслужб и раскрывали якобы нечистоплотную игру наших западных союзников. Нацистские лидеры впервые, видимо, в советской кинематографии представлены не законченными маньяками и полудиотами, а опытными и знающими разведчиками, контрразведчиками, фанатичными и циничными главарями Третьего рейха, которых, как и Штирлица, играют великолепные актеры.

Хотя фильм, снятый по повести плодовитого писателя-детективщика Юлиана Семенова, создает впечатление чуть ли не документального повествования, почти всё в нем — вымысел, начиная с образа главного героя. Но образ Штирлица, созданный режиссером Татьяной Лиозновой и актером Вячеславом Тихоновым, настолько завораживает зрителя, что по сей день находятся люди, которые верят, что Исаев-Штирлиц или какой-либо его реальный прообраз действительно существовал, что сотрудник советской разведки действительно сумел занять высокий пост в Главном управлении имперской безопасности нацистской Германии. В сериале масса фактических ошибок и неточностей касательно структур, событий и явлений Третьего рейха, которым посвящена специальная работа К. А. Залесского¹.

Но есть в сериале и элементы правды, в большинстве случаев, впрочем, также сильно приукрашенной вымыслом. Не секрет, что большую помощь в создании сериала оказал председатель КГБ СССР Юрий Андропов, прямо ставивший перед деятелями культуры цель создания положительного образа работника спецслужб. В связи с этим не случайно его главным консультантом стал первый заместитель Андропова генерал Семен Цвигун (обозначенный в титрах под псевдонимом С. К. Мишин).

Немалое внимание в сериале отводится коварной роли американских спецслужб, прежде всего разведывательному центру в Швейцарии, руководитель которого «матерый шпион» Аллен Даллес втайне от президента своей страны Франклина Рузвельта вел якобы сепаратные переговоры с эсэсовскими главарями в Италии, представлявшими рейхсфюрера СС Гимmlера, с целью заключить мир на Западе и изолировать СССР. В «Семнадцати мгновениях» роль Даллеса ярко сыграл Вячеслав Шалевич, который имел с Даллесом внешнее сходство и умело этим пользовался, в частности, подобно самому Даллесу, долго раскуривал трубку, чтобы выиграть время для обдумывания своих козней.

На зрителя сериала, конечно же, производят впечатление показанные — в соответствии с замыслом авторов сценария, консультантов и режиссера — хитроумные ходы опытного шпиона и провокатора, стремившегося, вопреки воле высшего руководства собственной страны, заключить сделку с нацистскими вожаками на их самом высоком уровне (за исключением, быть может, самого Гитлера).

Аллен Даллес действительно существовал, он действительно руководил разведывательным центром Управления стратегических служб США в Европе, который располагался в швейцарском Берне. Но вот только переговоры, которые вел Даллес с немцами, не только были отлично известны президенту Рузвельту, но проводились по его указанию, да и от Сталина они не скрывались, хотя к негодованию последнего его представители к участию в переговорах на разных уровнях допущены не были. Да и Гимmlер если и имел отношение к этим переговорам, то только косвенное, ибо Даллес и его руководители решительно отказывались иметь дело с одним из главарей бандитской шайки.

Что же представлял собой разведчик и дипломат Аллен Даллес, сыгравший немалую роль в том, что немецкие генералы сложили оружие на севере Италии несколькими днями ранее, что в какой-то степени ускорило в целом окон-

чание войны в Европе? Каково было его происхождение, какова предыдущая деятельность, что представляла собой его дальнейшая судьба? Какую роль сыграл этот человек явно недюжинных талантов в послевоенном развитии своей страны?

Ответить на эти вопросы попытаются авторы этой книги, посвященной жизни и деятельности дипломата и разведчика Аллена Уэлша Даллеса (по-английски — *Allen Welsh Dulles*). При этом сразу же отметим, что термины «дипломатия» и «дипломат» мы понимаем в широком смысле: чтобы быть дипломатом, выполнять дипломатические задачи, вести себя дипломатически, не обязательно служить во внешнеполитическом ведомстве. Даллес, который работал в американских посольствах за рубежом своей страны и официально участвовал в международных переговорах только в начале своей карьеры, в дальнейшем служил разведчиком и руководителем американской разведки. Но при этом он оставался подлинным дипломатом, в частности во время переговоров с германскими представителями в 1945 году.

В Соединенных Штатах издан ряд книг, посвященных Аллену Даллесу. Есть работы, освещающие весь жизненный путь Аллена, в других речь идет об отдельных сторонах и этапах жизнедеятельности героя. Интересна работа профессора Бостонского университета Стивена Кинзера, в прошлом известного журналиста, в которой рассказывается о братьях Даллес — ведется параллельное повествование об Аллене и его старшем брате Джоне Фостере, видном юристе и дипломате, государственном секретаре США в период президентства Дуайта Эйзенхауэра. Кинзер явно преувеличивает роль братьев Даллес в американской и даже мировой истории. В предисловии к своей книге он высказывает мнение, что «эти обладавшие уникальной властью братья дали импульс многочисленным процессам, сформировавшим современный мир», и понимание этих людей может дать «ключ к открытию малоизвестных и мрачных корней сегодняшних потрясений в Азии, Африке и Латинской Америке»². Мы отнюдь не склонны придавать Даллесам такое «всемирное» значение. Как убедится читатель этой книги, они действительно были весьма влиятельными государственными деятелями, но не обладали «уникальной властью», о которой пишет С. Кинзер.

На наш взгляд, наиболее серьезной и хорошо документированной является книга Питера Гросе «Джентльмен-разведчик: Жизнь Аллена Даллеса»³, основанная не только

на архивных материалах, в том числе из фондов ЦРУ, но и на многочисленных свидетельствах современников.

Материалы той или иной ценности содержатся и в работах Керстина фон Лингена о деятельности Даллеса во время Второй мировой войны и непосредственно после нее, Джеймса Сроудса, характеризующего его как мастера шпионажа, Леонарда Мосли — о семействе Даллесов⁴.

Наиболее свежей работой об А. Даллесе является книга Дэвида Тэлбота⁵. Несмотря на обилие архивных сносок, эту книгу трудно признать объективным научным исследованием, о чем свидетельствует уже ее заголовок «Дьявольская шахматная доска: Аллен Даллес, ЦРУ и подъем американского секретного правительства». Работе присущи грубые, подчас просто ругательные интонации. Выполнена она в духе разоблачения всевозможных заговоров, к которым имел прямое, косвенное или же не имел никакого отношения герой книги. При Даллесе ЦРУ, по мнению Тэлбота, стало «эффективной машиной убийств», в чем видится резкое преувеличение масштабов деятельности и характера этой организации.

В объемистых американских книгах об А. Даллесе зачастую речь идет о событиях и явлениях, довольно далеко отстоящих от его деятельности. Авторы отнюдь не всегда оказывались в состоянии найти ту черту, которая отделяла бы факты, действительно непосредственно связанные с разведывательной (да и дипломатической) деятельностью Даллеса, от событий, далеко отстоящих от того, чем занимался персонаж их работ.

Во многих книгах американских авторов, как посвященных Аллену Даллесу, так и тех, где он просто упоминается, он изображается как величайший мастер шпионажа, своего рода гений разведки. Журналист Скотт Миллер, написавший очерк о резидентуре Даллеса в Швейцарии в годы Второй мировой войны, изображает его «последним великим романтиком разведки, человеком, багаж которого состоял из секретов и загадок»⁶. Эта напоминающая рекламу характеристика далеко не в полной мере, как увидит читатель этой книги, соответствует действительности.

На русском языке нет ни одной книги об Аллене Даллесе, хотя о его деятельности — почти исключительно в негативном ключе — упоминается во многих работах советского периода, посвященных международным отношениям и особенно тайной дипломатии периода Второй мировой войны. Преобладают, однако, неподкрепленные факта-

ми журналистские домыслы, извращающие облик Аллена Даллеса, в которых он предстает в виде какого-то монстра, покровителя нацистов, организатора огромного числа убийств, включая даже убийство президента Джона Кеннеди. Влияние деятельности Даллеса гипертрофированно преувеличивается, и он превращается в легендарного мастера американского шпионажа⁷. В последнем русскоязычные авторы следуют американскому образцу. Примерно в таком же стиле представлена характеристика деятельности Даллеса в поверхностной книге историка-профессионала Н. Н. Яковлева*, который работал в тесном контакте с КГБ, предоставлявшим ему материалы для его работ. Авторы некоторых публикаций проявляют поразительное невежество, изображая, например, операцию «Санрайз» (Sunrise — «Восход солнца»), то есть переговоры, которые вел Даллес о капитуляции германских войск в Северной Италии, как ставившую цель укрыть германских военных преступников от справедливого суда⁸, что, как будет показано ниже, является полным вымыслом.

Лучше других прослежена операция «Аякс», организованная ЦРУ под руководством Даллеса, которая привела к свержению в Иране правительства Мохаммеда Мосаддыка. Интересны статьи исследователя из Саратовского социально-педагогического университета Я. А. Левина об анализе в ЦРУ иранской операции и сотрудницы Московского университета Е. Н. Глазуновой по истории и историографии этого события⁹. Отдельные важные сведения о деятельности Даллеса можно обнаружить в работе Н. Н. Платошкина¹⁰.

Авторы предлагаемой книги пытаются проследить происхождение, формирование Аллена Даллеса как активного участника политической жизни своей страны, его публицистическое творчество до Второй мировой войны и участие в самых разнообразных внешнеполитических акциях, его превращение в знающего и опытного разведчика и ди-

* *Яковлев Н. Н.* ЦРУ против СССР. М., 1983. Книга была выпущена в СССР многими изданиями в Москве и других городах. Появилось и постсоветское издание (Эксмо, 2003). До горбачевской перестройки критиковать ее в СССР было невозможно, а на Западе появилась масса критических рецензий. Один из критиков Майкл Болл с полным основанием отмечал, что, хотя ЦРУ — удобный объект для критики, автор со своим заданием справился на двойку, а книгу свою в основном посвятил другим темам, в частности нападкам на диссидентов в СССР. См.: *Boll M.* Review of Nikolai Yakovlev, CIA Target — The USSR // *Studies in Soviet Thought*. 1984. No. 1. P. 41—42.

пломата. В книге будет рассказано о том, как Аллен стал ответственным сотрудником Управления стратегических служб США, являвшегося предшественником Центрального разведывательного управления, о создании под его руководством в конце 1942 года разведывательного центра в Берне и об установлении связей с ответственными германскими военачальниками, политиками и бизнесменами, его переговорах о прекращении германского сопротивления в Северной Италии в начале 1945 года (операция «Санрайз»). Еще одним важным этапом его жизни, на котором будет сконцентрировано внимание в книге, является восхождение Даллеса на высший пост в разведке — его руководство Центральным разведывательным управлением и бесславное завершение этой работы в связи с провалом операции по свержению режима Фиделя Кастро на Кубе в 1961 году.

В основу книги положена документация из архивов США, в частности материалы Национального архива Соединенных Штатов, Национального архива безопасности США, рассекреченные фонды Центрального разведывательного управления, коллекция Даллеса в Библиотеке рукописей Принстонского университета, документы архивов библиотеки Ф. Рузвельта, Г. Трумэна, Д. Эйзенхауэра, Дж. Кеннеди.

Использованы различные опубликованные источники, в том числе многочисленные публикации А. Даллеса (прежде всего его книга о сущности, характере и особенностях разведывательной деятельности и воспоминания о тайной работе в Швейцарии в годы Второй мировой войны*), а также его брата Джона Фостера (он предпочитал, чтобы его называли Фостер), пресса и мемуары лиц, которые в той или иной мере были с ним связаны. Особенно важной публикацией, характеризующей работу Даллеса в качестве главного американского разведывательного резидента в Европе в годы Второй мировой войны, является сборник его донесений из Швейцарии, опубликованный Ненси Петерсен, которая посвятила свой тщательно подготовленный археографический труд «тем, кто вел тайную войну против тоталитаризма двадцатого века»¹¹.

Разумеется, учтена и американская литература, посвященная как самому Даллесу, так и событиям, в которые так или иначе был вовлечен герой этой книги.

* Обе книги переведены на русский язык. См.: Даллес А. Искусство разведки. М.: Международные отношения, 1992; Он же. Тайная капитуляция. М.: Центрполиграф, 2002.

Говоря об источниках, характеризующих Аллена Даллеса на разных этапах его деятельности, нельзя не упомянуть и о постоянно всплывающей в российских изданиях и особенно в Интернете фальшивке под названием «План Даллеса». На основании отрывков из художественных произведений, отдельных выдержек из американских документов и прочих публикаций, в том числе из упомянутой выше книги Н. Н. Яковлева, фальсификаторы сочинили этот «документ», представляющий якобы написанный Алленом Даллесом план нравственно-этического разложения советского общества изнутри путем использования «пятой колонны», разрушения моральных ценностей, пропаганды насилия, ненависти ко всему русскому, секса и т. д. Любопытно, что составители этого текста, действуя в пределах собственного круга представлений, не позаботились о том, чтобы избавиться от русских советских словесных стереотипов. В дальнейшем «план Даллеса» (иногда даже употребляется термин «доктрина Даллеса») использовался в политических целях, как якобы реально существовавший, некоторыми российскими политиками вроде В. В. Жириновского, С. Ю. Глазьева, кинорежиссером Н. С. Михалковым. Этот мифический «план» был создан именно в России — его английский текст не представлен вообще¹², текст же на русском языке в 2016 году включен доверчивыми чиновниками в Федеральный список экстремистских материалов!¹³

Авторы этой книги надеются, что им удалось найти верную грань в сочетании жизнеописания и деятельности самого Аллена Даллеса и тех событий, которые определили его личный характер, характер его поведения и которые явились прямым или косвенным его результатом.

Мы выражаем сердечную благодарность руководству и коллективам архивов и библиотек, предоставивших нам свои фонды и оказавших благожелательное содействие и помощь в работе. Мы признательны многочисленным друзьям и коллегам за советы и всяческую поддержку в подготовке этой книги.

Глава 1

ДИПЛОМАТ, РАЗВЕДЧИК, ЮРИСТ

Семейные корни, традиции и связи

Аллен Даллес родился 7 апреля 1893 года в небольшом городке Уотертаун в штате Нью-Йорк.

Город был молодой. На его территории когда-то жили группы из индейского племени ирокезов, но они были вытеснены еще до Войны за независимость в XVIII веке. В следующие полсотни лет здесь располагались фермы, а примерно в 1800 году промышленники из Нью-Йорка и других городов обратили внимание на эту территорию, особенно на протекавшую здесь полноводную реку Блэк, воды которой можно было использовать на индустриальных предприятиях.

Основанию города на рубеже веков способствовало и его расположение недалеко от столицы штата Нью-Йорк — города Олбани (к северо-западу от него), и близость озера Онтарио — одного из Великих озер Северной Америки (река Блэк впадает в Онтарио всего лишь в восьми километрах от города).

Мягкий климат, благоприятные природные условия вместе с удобством для создания небольших промышленных предприятий привели к тому, что стоимость земли и соответственно жилья в Уотертауне была высокой. Она особенно возросла после того, как в 1851 году была открыта железная дорога, связавшая город с Олбани и таким образом со всей страной.

В самом Уотертауне жили преимущественно люди состоятельные, а на их предприятиях и в сфере обслуживания работали жители расположенных в окрестностях местечек.

Одним из весьма уважаемых обитателей Уотертауна являлся пресвитерианский священник Аллен Мэйси Даллес. Вместе со своей женой Эдит (девичья фамилия Фостер) он владел большим каменным домом в самом центре города. В семье родились пятеро детей, трое из которых в будущем

изберут дипломатическую карьеру. Кроме Аллена этот жизненный путь выбрали его старший брат Джон Фостер (родившийся пятью годами раньше), который предпочитал, чтобы его называли Фостером, и младшая сестра Элеонора Лансинг-Даллес.

Такой выбор в значительной мере был обусловлен семейной традицией. Наиболее известным предком был дед Аллена по материнской линии Джон Фостер (1836—1917), в честь которого был назван старший брат. Этот человек был своего рода семейной иконой, на его примере воспитывали детей. Для того чтобы понять путь Даллесов XX века, в частности нашего героя, о нем следует кратко рассказать.

Джон Фостер был фермерским сыном из штата Индиана. Религиозный отец Мэтью Уотсон во что бы то ни стало стремился, чтобы его сын стал священником. Джон действительно по примеру отца строго следовал церковным предписаниям и ритуалам протестантизма, но, вопреки отцовской воле, избрал светскую карьеру. Одновременно зарабатывая на жизнь, он смог окончить Университет штата Индиана, а затем правовую школу Гарвардского университета, после чего перебрался в город Цинциннати, штат Огайо, где создал свою юридическую фирму.

Когда в 1861 году началась Гражданская война между северными и южными штатами, Джон поступил добровольцем в армию северян. Как человеку образованному, ему сразу было присвоено звание майора, а через год он дослужился до полковника. Джон проявил отвагу в ряде сражений. Именно его полк занял после упорного боя важный стратегический центр — город Ноксвилл в штате Теннесси.

До конца жизни Джон Фостер считал себя не только юристом, но и военным. Он был одним из основателей Общества ветеранов Гражданской войны, носившего мудреное название Военный орден легиона верных Соединенным Штатам (Military Order of the Loyal Legion of the United States — MOLLUS).

Верного, активного и грамотного офицера заметил Улисс Грант, командовавший войсками в годы войны, а через несколько лет после ее окончания избранный президентом США. Президентство Гранта оказалось, правда, неудачным: талантливый военный проявил себя бездарным, противоречивым руководителем государства, при котором процветали коррупция и политические скандалы.

Джон Фостер, удостоенный после войны генеральского звания и переехавший по предложению Гранта в Вашинг-

тон, оставался вначале практикующим юристом. Его фирма выиграла несколько дел, в которых были замешаны зарубежные предприниматели, и на это обратили внимание преемники Гранта — президенты Ратерфорд Хейс и Джеймс Гарфилд. Джону предложили перейти на дипломатическую службу, на что он, человек любознательный и стремившийся увидеть мир, охотно согласился.

С 1873 по 1880 год он служил послом в соседней Мексике, затем полтора года в России и около двух лет в Испании. Фостер быстро овладел искусством дипломатии и стремился к налаживанию мирных отношений со странами, в которых служил. Особенно это важно было по отношению к соседней Мексике, с которой постоянно возникали пограничные конфликты. Именно Фостер предложил условия урегулирования пограничных споров, которые в конце концов привели к заключению договора о границе 1882 года.

На всю жизнь ему и особенно его дочери запомнилось недолгое время, проведенное в столице России. Фостер был несколько раз принят царем Александром II, который произвел на него яркое впечатление. «Я не встречал ни одного другого суверена, личные встречи с которым были бы такими сердечными и доброжелательными», — рассказывал он¹⁴. Дочь Эдит вспоминала санные прогулки в пригородах Санкт-Петербурга, вплоть до финской границы, цыганские пляски и песни. Тяжкое впечатление на нее произвело убийство в марте 1881 года Александра II, которого не только в России, но и на Западе называли царем-освободителем (в связи с отменой крепостного права в 1861 году). Вскоре после воцарения Александра III ее отец был отозван на родину.

Президент Бенджамин Гаррисон назначил Джона Фостера заместителем государственного секретаря (министра иностранных дел). Госсекретарем был Джеймс Блейн, в прошлом видный политик, не раз выдвигавшийся в президенты, но так и не избранный, а теперь — больной и старый человек, который дослуживал отмеренное ему время на высоком государственном посту. Фостер, по его собственным словам, был в Госдепартаменте «бунтовщиком» — в том смысле, что требовал активной внешнеполитической деятельности, чему сопротивлялся его начальник¹⁵.

В июне 1892 года Блейн, наконец, ушел на покой (вскоре он скончался), и Фостер стал государственным секретарем, по существу дела первым помощником президента,

так как занимался не только внешнеполитическими, но и внутренними делами, связанными с внешним миром.

На этом высоком посту он пробыл, однако, недолго, немногим более полугода: в 1892 году республиканца Гаррисона сменил демократ Гровер Кливленд, образовавший свое правительство, и Фостер в конце февраля 1893 года был вынужден уйти в отставку.

Впрочем, за недолгое время своего пребывания на высшем дипломатическом посту он смог осуществить важную акцию, стоявшую на грани дипломатии, разведки и прямой экспансии. Речь шла о проблеме Гавайского архипелага, куда проникал американский капитал, а вслед за ним продвигались политические представители, разведчики, провокаторы, вербовавшие среди местной знати и особенно белых поселенцев группы, которые требовали установления американского протектората, а в перспективе — присоединения к США.

На Гавайях между тем правила королева Лилиуокалани, стремившаяся сохранить свою неограниченную власть и отказывавшаяся от подчинения далекой Америке.

Именно Фостер, став госсекретарем, возглавил комплекс тайных операций, которые привели к свержению королевы и провозглашению Гавайской республики во главе с Сенфордом Доулом, выходцем из среды белых миссионеров на Гавайях. Фостер вместе с другими политиками настаивал на принятии Гавайев под американское покровительство, главным образом для того, чтобы создать здесь удобную базу военного флота Соединенных Штатов в гавани Перл-Харбор (в переводе — Жемчужная гавань), рядом со столицей Гавайев Гонолулу.

По указанию госсекретаря посол США на Гавайях в начале февраля 1893 года объявил о признании нового правительства, вслед за чем о признании заявил президент Гаррисон. Именно Фостер, вспомнив свою былую военную карьеру, руководил сразу же начавшейся высадкой американских войск на Гавайях.

Это были последние недели власти Гаррисона. Новый президент Кливленд занял более осторожную позицию, так как на Гавайях происходили кровопролитные внутренние конфликты. В конце концов архипелаг вошел в состав США, став американской «территорией» с тем, чтобы через много лет получить права штата.

«Дедушка» Фостер до конца своих дней гордился тем, что он был первым из американских внешнеполитических

деятелей, руководивших свержением правительства иностранного государства и установлением власти новых лидеров, которые не просто благожелательно относились к Соединенным Штатам, а выступали за включение своей страны в их состав. В уже цитированной книге он писал: «Местные жители показали себя неспособными сохранять уважаемое и ответственное правительство. У них не было энергии или воли, чтобы использовать те преимущества, которые были даны им Провидением». Это были обтекаемые и мало искренние слова, которые прикрывали тайные подрывные действия, проводимые под руководством госсекретаря.

В своих многочисленных беседах с внуками, которые он вел в своем имении возле озера Онтарио и в своем особняке в Вашингтоне, отставной госсекретарь был несравненно более откровенен. Он рассказывал им, как он сам «прямо помогал свержению гавайской монархии», и дети с замисленным сердцем внимали этим циничным повествованиям¹⁶.

Уйдя с государственной службы, Джон Фостер продолжал юридическую деятельность в столице, фактически создав новый тип правовой практики. Он заключал контракты с крупными бизнесами на оказание им «помощи» в установлении полезных связей в Вашингтоне и за рубежом страны, используя свои знакомства в высших кругах как США, так и других государств. Это было весьма доходное занятие: американское производство, как промышленное, так и сельскохозяйственное, быстро развивалось и нуждалось не только во внутренних, но и во внешних рынках, и Джон Фостер получал немалые комиссионные, помогая бизнесменам в установлении полезных связей и заключении выгодных контрактов¹⁷.

Считая его весьма респектабельным и знающим специалистом, зарубежные посольства в Вашингтоне неоднократно пользовались услугами Джона Фостера в качестве эксперта по правовым вопросам, причем касавшимся не только американских, но и зарубежных правовых норм.

Но и этим не ограничивалась его деятельность после ухода с государственных постов. В Госдепартаменте ему неоднократно предлагали выполнение тех или иных разовых дипломатических миссий, на которые он обычно соглашался. От имени правительства США Фостер вел переговоры с Великобританией и Россией относительно рыбной ловли в Беринговом море. Еще более важной миссией были переговоры о судьбе Кореи и других условиях мира между

Японией и Китаем после войны между обеими странами (1894—1895), завершившейся победой Японии. Формально Фостер выступал на этих переговорах как советник китайской стороны, но, по существу дела, представлял интересы Соединенных Штатов. Переговоры проходили в японском городе Симоносеки, куда отправился Фостер, в марте—апреле 1895 года. Быстро сориентировавшись, что императорский Китай не в состоянии вести продолжительную войну, что все преимущества на стороне Японии, Фостер в интересах скорейшего «открытия китайских дверей» для американской торговли и для сохранения благоприятных отношений с Японией смог уговорить китайские власти пойти на подписание мира, который, по существу, означал признание Китаем своего полного поражения. Симоносекский мирный договор, текст которого написал Джон Фостер, был подписан 17 апреля 1895 года. Он предусматривал признание Китаем независимости Кореи, что создавало благоприятные возможности для японской экспансии. Японии передавались остров Тайвань, острова Пэнху (Пескадорские острова) и Ляодунский полуостров. Китай согласился на уплату крупной контрибуции, ряд китайских портов был открыт для японской торговли с правом Японии на строительство на китайской территории промышленных предприятий. Включенный в договор принцип наибольшего благоприятствования в торговле открывал возможности для широкого проникновения в Китай иностранного, в частности американского, капитала¹⁸.

Хотя подписание Симоносекского договора было вызвано многочисленными причинами и обусловлено фактическими итогами Японо-китайской войны, деятели Цинской династии, советником которой официально являлся Фостер, считали его одним из виновников выработки столь неравноправного договора и обвиняли его в том, что он, по существу дела, предал интересы Китая — в пользу Японии. В своих работах по дипломатическим вопросам Джон Фостер был крайне скуп в освещении своей роли в подготовке Симоносекского договора.

А библиография Фостера была обширной. Он писал в течение всей своей сознательной жизни, но особенно плодотворным стал после ухода в отставку. Одна за другой появились его книги «Американская дипломатия на Востоке» (1903), «Арбитраж и суд в Гааге» (1904), «Практика дипломатии, иллюстрируемая внешней политикой Соединенных Штатов» (1906)¹⁹.

Чтобы в старости быть поближе к своей дочери и внукам, «дедушка Фостер» купил дом в местечке Гендерсон-Харбор на берегу озера Онтарио неподалеку от Уотертауна. Он стал заядлым рыбаком и приучал своих внуков к рыбной ловле. В этом он добился бесспорного успеха, что специально даже отмечал Аллен Даллес в небольшом автобиографическом фрагменте своей книги о разведке²⁰. Терпеливое сидение на берегу в ожидании, когда попадет добыча, сопровождалось неторопливыми рассказами о вашингтонских нравах, о зарубежных деятелях, о дипломатических и шпионских интригах.

Впрочем, особенно приятны деду были военные воспоминания. Он подробно рассказывал о перипетиях Гражданской войны, о сражениях, в которых участвовал, о подвигах солдат и офицеров своей армии, однако отдавая должное и храбрости раскольников-южан: их он порицал и даже ненавидел, но вполне признавал их мужество. Позже Фостер, сверившись с источниками, опубликовал свои военные рассказы внукам в назидание следующим поколениям²¹.

Внуки обожали своего деда. Аллен Даллес в книге, посвященной искусству разведки, писал через много лет: «Интерес к международным делам пробудился во мне рано, фактически уже в детские годы. Я воспитывался на рассказах моего деда»²². Судя по рассказам Аллена, создается впечатление, что уже в детские годы, под влиянием своего деда, да и просто в результате опыта рыбной ловли у него начинали вырабатываться качества привязанности к тайне, терпеливого выжидания момента, когда можно добиться успеха — те свойства, которые столь необходимы разведчику. Через десятилетия, в отставке, незадолго до смерти, Даллес с удовольствием вспоминал свою детскую рыбную ловлю: «Мы выходили каждое утро летом, кроме воскресений. Мы занимались ловлей с 8.30 до полудня, а затем отправлялись на берег одного из крохотных островков. Между нами [имеются в виду его сверстники. — Г. Ч., Л. Д.] была большая конкуренция. Каждый из нас высыпал на землю свою рыбу и мы проверяли, сколько каждый набрал рыбы и у кого были самые большие рыбы... Надо было сохранять в большом секрете место, которое было наиболее удобным. Мы находили людей, которые за многие годы узнавали, где было больше всего рыбы»²³.

По материнской линии Аллен Даллес находился в родственных отношениях еще с одним видным американским государственным деятелем и дипломатом — Робертом Лан-

сингом. Дело в том, что вторая дочь Джона Фостера Элеонора вышла в 1890 году замуж за 26-летнего Роберта — члена зажиточной семьи, проживавшей в Уотертауне.

Роберт Лансинг к этому времени закончил авторитетный Амхерстский колледж в штате Массачусетс и занимался юридической практикой в Уотертауне. После того как Фостер и Лансинг породнились, Роберт стал специализироваться в области международного права и участвовал в некоторых переговорах, которыми руководил Джон. Постепенно Лансинг приобретал известность, в 1914 году он был принят на работу в Госдепартамент советником, а в 1915 году, в разгар мировой войны, в которой США пока не участвовали, стал государственным секретарем. Он пользовался полным доверием президента от Демократической партии Вудро Вильсона, хотя был связан с семьей, традиционно принадлежавшей к Республиканской партии. Лансинг выступал за сотрудничество со странами Антанты в войне, а затем — за непосредственное вступление в нее своей страны. Он участвовал в Парижской мирной конференции 1919 года и возглавлял американскую делегацию, когда на конференции отсутствовал президент²⁴. Роберт Лансинг часто приезжал в Уотертаун, вместе со своими родственниками участвовал в рыбной ловле и различных играх, подолгу беседовал с детьми и в свою очередь прививал им интерес и вкус к политике, прежде всего внешней.

По отцовской линии предки Аллена были не столь известными. Его отец Аллен Мэйси Даллес происходил из смешанной шотландско-ирландской семьи, предок которой Джозеф Даллес (тогда у него была другая фамилия — Дуглас) вместе со своим братом Уильямом бежал из Ирландии в 1778 году, спасаясь от преследований протестантов католиками. С огромным трудом на переполненном паруснике он достиг берегов Америки и поселился в Южной Каролине. Джозефу повезло: начав с розничной торговли, он ценой крайней бережливости, почти голодая, скопил необходимую сумму, чтобы купить участок земли и даже нескольких рабов.

Будучи страстно верующим протестантом, Джозеф воспитывал своих детей в почитании Бога и следовании религиозным догматам и ритуалам. Его сын Джозеф Хитлия, окончив Йельский колледж, который позже стал одним из наиболее авторитетных американских университетов, получил сан священника и служил в пресвитерианских церквях в Филадельфии. В свою очередь сын священника Джон Уэлш вначале избрал медицинскую профессию и окончил

соответствующее отделение Йельского колледжа. Но и он предпочел служить Господу и, не получив необходимых свидетельств медика, а закончив затем вместо этого христианскую школу в Нью-Йорке, отправился в качестве миссионера в Индию. Здесь он в течение пяти лет проповедовал христианство в районе Мадраса. Позже, возвратившись на родину по болезни (он почти потерял голос), Джон Уэлш вел церковную службу вместе с отцом в Филадельфии, совершил паломничество к Гробу Господню в Палестину, написал нечто вроде христианского учебника для солдат-сержантов во время Гражданской войны²⁵.

Почувствовав способность создавать богоугодные тексты, Джон Уэлш в следующие годы (с большим перерывом) написал две книги о своих путешествиях, также проникнутые сугубым религиозным духом²⁶. В 1872 году Джон Уэлш Даллес получил звание доктора богословия. В течение многих лет он занимал почетный пост секретаря Американского союза воскресных школ, центр которого находился все в той же Филадельфии.

Джон Уэлш был дважды женат: его первая супруга Харриет умерла, оставив ему шестерых сыновей и одну дочь, трое из его сыновей стали священниками²⁷. Один из них и оказался отцом героя этой книги.

Аллен Мэйси Даллес отнюдь не собирался воспитывать своих детей в том духе, чтобы они стали политиками, но он терпеливо относился к их общению с Джоном Фостером и его окружением, которые оказывали на них решающее влияние. В то же время и отцовское воздействие было немаловажным. Дети воспитывались в религиозном духе, впитывая в себя основы протестантской этики, включавшей не только следование обрядам, но и трудолюбие, верность долгу, как его понимали взрослые, честность в прямом, примитивном смысле этого слова — то есть решительный отказ обманывать своих близких, прежде всего родителей. На обман посторонних к собственной выгоде протестантская этика смотрела терпимее.

Каждое утро начиналось с молитвы. Каждое воскресенье дети посещали церковь, в которой читал проповеди отец. У них всех — двоих сыновей и трех дочерей — были приготовлены листочки бумаги и карандаши, куда они должны были записывать важнейшие мысли, которые, по их мнению, содержались в отцовских проповедях. По воскресным вечерам семья собиралась за обеденным столом, и каждый из детей должен был объяснить родителям, почему именно данные

отцовские мысли или выводы из них они сочли необходимым зафиксировать. Часто после этого читались истории пилигримов и всевозможная другая религиозная литература. Подчас устраивались соревнования, на которых дети на память читали отрывки из Библии, и те, кто делал это лучше, получали отцовскую и материнскую похвалу. Воскресные вечера завершались обычно пением евангельских гимнов.

Впрочем, и отцовское религиозное влияние не обходилось без международных аспектов. В доме нередко гостили возвратившиеся на родину миссионеры, истории которых с огромным вниманием слушали дети. Рассказы об обращении в «истинную веру» сирийцев или китайцев сопровождались интереснейшими наблюдениями жизни и быта разных слоев населения далеких стран. Младшая сестра Элеонора вспоминала: «Мы не думали об этих людях как о носителях какой-то внешней политики, но мы все больше понимали условия жизни, бедноту, предрассудки и надежды тех, с кем имели дело миссионеры... Было нечто уникальное в том, что оставило неустранимый след в нас всех — не только глубокую веру в определенные религиозные истины, но также чувство обязанности по отношению друг к другу и к тем далеким людям, которые стремились обрести новый свет и свободу»²⁸.

Но все же влияние дедушки Фостера было намного более значительным. Когда родители изредка привозили детей в столицу, Джон Фостер иногда брал их с собой на встречи с видными политическими деятелями, задания которых он выполнял. При этом он не только заботился о воспитании и образовании детей: родственные чувства, демонстрируемые публично, создавали впечатление солидности, серьезности и были полезны Джону Фостеру в деловом отношении.

Так, уже в раннем возрасте Аллен, как и его старший брат и младшая сестра, присутствовали при встречах деда с президентами Бенджамином Гаррисоном, Уильямом Маккинли, Теодором Рузвельтом и другими видными государственными деятелями²⁹. В разговорах они, разумеется, не участвовали, но внимательно прислушивались к каждому слову и невольно приобщались к стилю поведения, лексикону, атмосфере жизни американского высшего общества.

Элеонора как особа женского пола, хотя и весьма юная, была особенно чувствительной к этим нравам, но и ее братья впитывали их естественно и глубоко. Элеонора писала: «Женщины со всеми их украшениями и блесками и мужчины с их наградами и орденскими лентами были такими

романтичными и бравыми. И действительно, чайные вечера и обеды проводились с чувством большого достоинства и грации, так что современные коктейльные вечеринки по сравнению с ними кажутся очень хаотичными»³⁰.

Уже в ранние годы у Аллена (близкие его называли Алли) выработалась привычка наблюдать за разными людьми, начиная с родителей и заканчивая совершенно посторонними. Когда он научился писать, он стал делать заметки о людях. Когда ему было всего семь лет, дед Фостер взял его с собой на какой-то торжественный обед в Вашингтоне. Алли внимательно прислушивался к каждому слову, а вечером, сидя на кровати, записал свои впечатления в форме некоего «рапорта» (правда, неизвестно кому), отметив мнение отдельных участников и свое согласие или несогласие. «Я был очень внимательным слушателем», — констатировал он через много лет³¹.

Это было время Второй англо-бурской войны 1899—1902 годов — войны двух бурских государств Южной Африки — Республики Трансвааль и Оранжевой республики — против Британской империи, завершившейся победой англичан. Буры были потомками европейских колонистов, выходцев из Нидерландов, которые захватили земли у черного населения, превращенного ими в рабов. Писатель Марк Твен, посетивший Южную Африку в конце XIX века, писал, что буры были людьми набожными, невежественными и тупыми. Видимо, так оно и было. Но буры отстаивали независимость своих республик от империалистического стремления британцев их подчинить, и на их стороне было сочувствие большинства американцев, сопоставлявших их борьбу с американской Войной за независимость от Великобритании в XVIII веке. На стороне бурских республик в войне участвовала группа американских военных. Вероятно, кто-то из них привез за океан песенку, которую распевали солдаты-буры. В ней говорилось:

Королевская рать
Хочет землю у нас отобрать?
Наши горы у нас за спиной,
И стоим мы стеной!
Гордый бур — он упрям,
В нем трусости нет ни на грамм:
Помнит эти слова
Войско Трансваальского Льва!

(Перевод Е. Витковского)

Песня эта дошла до Уотертауна, и вначале старший брат, а затем и Алли с удовольствием ее исполняли перед родственниками и приятелями. Видимо, эта песня, а также рассказы возвратившихся из Южной Африки побудили Алли написать в восьмилетнем возрасте свое первое сочинение, посвященное этой войне. Нелегко перевести на другой язык слова американского ребенка, решившего дать собственную оценку политике, разумеется, оценку, навеянную суждениями взрослых, но все же свою. В огромном для своего возраста сочинении, насчитывавшем более двадцати страниц, Алли писал, что «буры хотят мира, а у англичан много золота и потому они повсюду воюют против маленьких стран». Он продолжал: «Для британцев неправильно приходиться и захватывать землю, потому что буры пришли раньше и они имеют право на эту землю».

Дед Фостер, которому, как и старшему брату, Аллен показал свое творение, был впечатлен и даже распорядился на его средства издать небольшим тиражом 26-страничное сочинение внука — без редактирования, со всеми грамматическими ошибками. Через годы А. Даллес в автобиографическом предисловии к своей книге об искусстве шпионажа писал: «Наиболее ранние мои воспоминания относятся к Испанской и Бурской войнам. В 1901 году, когда мне было восемь лет, я жадно прислушивался к жарким спорам моего деда с его зятем Робертом Лансингом... о том, чье дело — англичан или буров — является правым. Я даже изложил на бумаге — в весьма решительной форме и со множеством орфографических ошибок — свои взгляды на этот счет. Сочинение мое было обнаружено взрослыми и издано в виде маленькой книжечки, ставшей в районе Вашингтона настоящим “бестселлером”»³².

Что же касается брата Фостера, то он, уже тринадцатилетний подросток, лишь ухмыльнулся, назвав сочинение младшего брата «инфантильным»³³. Эта оценка была, разумеется, справедливой. Старший брат, заботливо относившийся к Аллену, считал, что тому рано еще совать свой нос во взрослые дела. Сложившееся в детские годы снисходительно-высокомерное отношение старшего к младшему сохранилось на многие годы, даже тогда, когда Аллен стал ответственным деятелем. В письмах, дошедших до наших дней, можно встретить немало безоговорочных поучений, требований, как следует себя вести. Элеонора писала, что Фостер вел себя «скорее как второй отец, а не как брат»³⁴.

В отличие от старшего брата, всегда серьезного и спокойного, говорившего негромко, но веско, любившего ци-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru